

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

УДК 801.56

Л.Г. Ефанова

ОЦЕНКА БЕЗОПАСНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОРМЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Томский государственный педагогический университет

Отправной точкой лингвокультурологических исследований в наши дни нередко становятся данные смежных с лингвистикой, и в первую очередь социальных, наук. В частности, результаты анализа представлений о норме, отраженных в языковой картине мира русского человека, оказываются созвучными тем, которые получены социологами.

Согласно одной из современных социальных теорий, «человеческое общество сложилось в результате эволюции “норм поведения” (в самом широком смысле...). Эти “нормы поведения”, как правило, никем сознательно не изобретались, но возникли как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершался на основе всей предшествующей истории» [1, с. 11].

В зависимости от сферы применения названные «нормы поведения» могут быть разделены на технические, регулирующие взаимодействие человека с окружающей средой (артефактами, неживой и живой природой и в том числе с другими людьми как ее частью), и этические, определяющие отношения человека с другими членами социума как себе подобными, а также с Богом и собственной совестью.

Предметом нашего исследования являются одна из сложившихся в русском социуме технических норм, а именно норма безопасности, в аспекте связанных с нею этических оценок поведения человека в опасной ситуации, а также способы выражения отношения к норме безопасности в русском языке.

Норма безопасности предписывает избегать ситуаций, связанных с неоправданным риском для жизни человека и его близких, заботиться о собственном здоровье и благополучии, не быть слишком доверчивым и т.д. Соответственно названная норма включает в себя правила личной (физической), продовольственной, имущественной, информационной и т.п. безопасности, объединенные общей целью: свести к минимуму риск, которому подвергается человек в

условиях реальной действительности. В то же время в представлениях о норме безопасности отражены мировоззрение и опыт коллектива, внутри которого сложилась данная норма.

Особенностью русской нормы безопасности является то, что чувство полной защищенности является для русского человека не целью или условием деятельности, а скорее недостижимым в реальной действительности идеалом. Эти представления обусловлены, наряду с прочими факторами, и тем, что многие виды человеческой деятельности связаны с определенным риском. Сознание того, что *Жизнь человека всегда на волоске висит; Все под богам ходим*, тем не менее, не становится поводом для отказа человека от попыток защитить себя, своих близких и свою собственность, но, напротив, способствует формированию представлений о такой норме безопасности, которая бы соответствовала условиям его жизни.

В соответствии с этими представлениями поведение человека в условиях опасности подчинено действию двух разнонаправленных сил, одной из которых является чувство самосохранения, а второй – сознание необходимости или неизбежности риска. Чувство самосохранения, проявляясь в форме страха, осторожности, благоразумия или предусмотрительности, заставляет человека избегать любой ситуации, в которой ему может быть нанесен физический, материальный или моральный ущерб. Со своей стороны, осознание неизбежности или необходимости риска может послужить стимулом к тому, чтобы человек в некоторых ситуациях не стремился уклониться от опасности, пренебрегая при этом чувством самосохранения. Регулятором отношений между названными силами служит здравый смысл. Норма безопасности соблюдена, если обе тенденции уравновешены и человек избегает ненужного риска или же действует в условиях

неизбежной опасности с разумной осторожностью. Вместе с тем разнородность факторов, определяющих поведение человека в опасной ситуации, обуславливает возможность нарушения нормы безопасности: ее превышения вследствие трусости либо, наоборот, недостижения (несоблюдения) в результате беспечного или безрассудного поведения, надежды на «авось» или желания рискнуть.

Несоблюдение нормы безопасности угрожает нарушителю возможным физическим или материальным ущербом, а также определенными санкциями со стороны коллектива, в котором действует названная норма. Эти санкции имеют обычно форму морального порицания и основываются на отрицательной оценке, которую дает коллектив поведению нарушителя.

Отношение языкового коллектива к нарушителю нормы может выражаться в форме как нормативной, так и этической оценки и зависит от многих факторов, среди которых могут быть названы степень осознанности субъектом грозящей ему опасности и активности его поведения в опасной ситуации, от роли субъекта в создании или предотвращении таких ситуаций, а также от целей, которыми руководствуется человек в ситуациях, связанных с риском, и от результатов таких действий.

Как было сказано выше, русский человек полагает, что в условиях реальной жизни ему не может быть гарантирована полная безопасность. Это мнение лежит в основе двух противопоставленных друг другу типов поведения: во-первых, попыток *подстраховаться*, приняв дополнительные меры предосторожности, и, во-вторых, отказа от действий по обеспечению собственной безопасности в надежде на «авось». Первый тип поведения соответствует русской норме безопасности: попытки *подстраховаться* или даже *перестраховаться*, т.е. повторно принять меры для защиты от опасности, не осуждаются русским социумом; даже излишняя предусмотрительность чаще вызывает у нас удивление, чем порицание, если такое поведение не свидетельствует о крайнем эгоизме его субъекта.

Однако даже действия, отвечающие требованиям нормы безопасности, могут получать отрицательную этическую оценку в том случае, когда посредством их выражается невысокое мнение субъекта об остальных членах коллектива. Именно так воспринимаются в русском социуме действия *перестраховщика*. Субъект, заслуживший такую оценку, может проявлять излишнюю, с точки зрения окружающих, заботу о собственной безопасности, находясь в тех же, что и они, условиях. В таком поведении остальные члены коллектива могут увидеть пренебрежительное отношение к себе со стороны *перестраховщика*, что, в свою очередь, становится причиной негативной ответной реакции. Та-

кую же оценку получают действия по обеспечению собственной безопасности, если посредством их выражается недоверие субъекта к окружающим, его желание продублировать результаты их работы. Объектом критики в этом случае также становится не желание субъекта принять дополнительные меры предосторожности, а сам субъект, считающий других членов коллектива ненадежными и безответственными, т.е. такими, на которых нельзя положиться, нуждающимися в дополнительном контроле.

В отличие от мер предосторожности, надежды на «авось» чаще всего воспринимаются в русском социуме как отклонение от нормы безопасности, в то время как их этическая оценка может быть и нейтральной. К сожалению, в западной лингвистике и у некоторых российских исследователей сложились представления об *авось*-поведении как об одном из самых характерных проявлений национального менталитета, которое объясняется легкомыслием и бесшабашностью русского характера, его склонностью к необоснованному оптимизму или, наоборот, пессимизму.

Так, например, А. Вежбицкая, справедливо полагая, что частица *авось* выражает отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую, делает из этого наблюдения вывод о том, что для русского человека «нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществлять; невозможно рационально организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу» [2, с. 78–79]. Другие исследователи, напротив, отмечают выражаемые при помощи частицы *авось* смыслы «не стоит утрачивать надежду и отчаиваться даже в самых безнадежных ситуациях» и надежду на вполне вероятное осуществление желаемого события [3, с. 72].

Эти столь различные мнения сходны, однако, в том, что оба они строятся на отрицании участия здравого смысла в оценке опасной ситуации, вследствие чего *авось*-поведение предстает как результат легкомысленной недооценки субъектом грозящей ему опасности или нежелания принимать во внимание эту опасность. Такое понимание семантики слова *авось* представляется не совсем верным, а роль здравого смысла в оценке русским человеком опасной ситуации – неоправданно заниженной. Многие единицы русского языка указывают на то, что здравомыслие и умение рассуждать необходимы при активных действиях в условиях опасности. Рассудительность в этих условиях проявляется в осмотрительности, осторожности, умении трезво оценить ситуацию и помогает избежать излишнего риска. Именно такой тип поведения рекомендуется многими русскими пословицами: *Не зная броду, не суйся в воду; Видя волну на море, не езд! Отдумать старику ехать за реку: погода*

велика, утопит старика; Семь раз отмерь, один раз отрежь; Знай край, да не падай! Не думай, жука, как влезть; думай, как вылезть (из верши); Не радуйся под гору: подъем круче и т.п.

На участие здравого смысла в соблюдении нормы безопасности указывают также имена некомплектных объектов (термин Н.Д. Арутюновой) *безрассудный* и *безумный*, используемые для обозначения отступлений от этой нормы в контекстах наподобие *безрассудная смелость, безумный риск*. Группа имен прилагательных с префиксом *без-*, употребляясь в сочетании с наименованиями объектов, обозначает отклонения от нормы, состоящие в отсутствии у этих объектов свойств, свойственных им в нормальных условиях необходимых атрибутов, напр.: *бесхвостый кот, бессовестный человек* [4, с. 82]. Следовательно, выражения *безумная смелость, безрассудная отвага* и т.п. обозначают отклонения от нормы и указывают на то, что в русском языковом коллективе признается необходимым участие здравого смысла при действиях в опасной ситуации. Однако при разных условиях это участие может проявляться в неодинаковой форме.

Так, например, ситуации, в которых опасность угрожает человеку не непосредственно, но в обозримом будущем, требуют от него более или менее долгосрочных прогнозов и предполагают озабоченность субъекта проблемой собственной безопасности, умения печься о собственных интересах. Отсутствие такой заботы и попечения обозначается в русском языке именами некомплектных объектов *беспечность, беззаботность и безответственность*.

Умение позаботиться о себе приобретается с опытом, поэтому беспечность и беззаботность простительны детям, однако вызывают неодобрение в поведении взрослых людей. Именно такое отношение к опасности обозначается при помощи фразеологических единиц: *все нипочем, все тырын-трава, на все наплевать кому-л., и ухом не ведет, и в ус себе не дует* и т.п. Критика этого типа поведения выражается чаще всего в виде шуточных советов: *Живи, Устя, рукава спустья; Махни рукой да ступай домой; Покинь молотило, да возьми дудку; Положь да покинь, не замай лежит*. Форма иронического совета призвана подчеркнуть моральную незрелость следующего им субъекта и этим пристыдить его. Преимущественно снисходительное отношение русского социума к беспечности обусловлено знанием того, что этот недостаток преодолевается с опытом, который иногда бывает весьма болезненным: *Битый пес догадлив стал; Обжегшись на молоке, дует на воду; Что докучает, то и поучает; Первоученка-первомученка* и т.д.

Вместе с тем в русском социуме существует и представление об ответственности человека за

свою безопасность. Безответственное отношение человека к самому себе получает отрицательную оценку в том случае, когда субъект, не обеспечивший собственную физическую или имущественную безопасность, таким образом перекладывает заботу о себе на других членов социума: *На людей надеется, как на Бога, а на себя, как на черта (о беззаботном); За чужой головой сполагоря жить; Веселая голова живет спустья рукава*.

Поведение, символом которого в русском языке стала частица *авось*, отличается и от безрассудства, и от беззаботности. В отличие от безрассудства, которое, как правило, проявляется в необдуманных поступках и действиях, «установка на *авось* обычно призвана обосновать пассивность субъекта установки, его нежелание предпринимать какие-либо решительные действия» [4, с. 135]. Причины такого отношения следует искать, по всей видимости, не в отсутствии у субъекта здравого смысла (как при безрассудных поступках) и не в беспечности, свойственной неопытным, незрелым людям. Напротив, бездействие в данном случае может быть основано на результатах зрелого размышления (*Наше авось не с дуба сорвалось*), а также опыта переживания опасных ситуаций, которые не потребовали от субъекта активного вмешательства, когда *обошлось, пронесло и т.д. (Русак на авось и взрос)*. В основе *авось*-поведения лежит идея о непредсказуемости будущего: «всего все равно не предусмотрить, бесполезно пытаться застраховаться от всех возможных неприятностей» [там же], особенно если ситуация представляется безвыходной (когда *Авось – вся надежда наша*).

Вместе с тем роль установки на «авось» в действиях русского человека не стоит преувеличивать. Хотя очень многие условия реальной жизни не всегда поддаются усилиям человека изменить их и ему приходится полагаться лишь на то, что обстоятельства не изменятся к худшему (*На авось мужик и хлеб сеет; На авось казак на коня садится, на авось его и конь бьет; Авось и рыбака толкает под бока*), подобная установка никогда не считалась в русском социуме отвечающей норме безопасности. Отклонение от этой нормы проявляется в данном случае в том, что ее нарушитель недооценивает неизбежности опасности и вследствие этого не принимает своевременных мер предосторожности. Результатом такого поведения может быть правильная, но запоздалая реакция на опасность (*Пока гром не грянет, мужик не перекрестится*). Такое нарушение нормы безопасности может стать причиной физического и материального ущерба: *Держались авоська за небоську, да оба упали; Авось с небосем водились, да оба в яму ввалились; Авосевы города не горожены, авосевы детки не рожены; Кто авосничает, тот и постничает; С авосьником попадешь*

впросак. Многие русские пословицы содержат предостережения против негативных последствий *авось*-поведения и характеризуют его как отклонение от нормы безопасности: *Авось – хоть брось; От авосья добра не жди; Авось плут, обманет; Авось в лес уйдет; Авось до добра не доведет; Авосью не вовсе верь; Авось, что заяц: в тенетах вязнет; Авось задатку не дает; Авось – дурак с головою выдаст; Авосья жданки съели; Вывезет и авоська, да (ин) не знать куда; Авось уйдет, а небоську одного покинет; Авоська веревку вьет, небоська петлю накидывает*. По наблюдениям А.Д. Шмелева, «в современной русской речи слово *авось* чаще используется не в “прямом режиме”, а в качестве краткого и яркого обозначения соответствующей установки, т.е. как существительное или в составе наречного выражения *на авось*». «В случае же, когда *авось* используется для характеристики собственной установки, обычно бывает очевидна самоирония» [там же, с. 136], т.е. санкция порицания, добровольно наложенная на себя нарушителем. Отмечается также то, что в современной русской речи значительно чаще, чем слово *авось*, используются слова, выражающие «противоположную установку – отталкивание от легкомысленной беспечности и желание перестраховаться: *мало ли что, на всякий случай, если что, в случае чего, а вдруг ...* и т.п.» [там же, с. 137].

Причиной несоблюдения нормы безопасности может стать не только пассивность субъекта в ситуации опасности, но и, наоборот, его активное участие в создании опасного для себя положения, которое в русском языке чаще всего обозначается словом *риск*.

Риск связан с действием, которое в случае успеха сулит тому, кто его совершил, определенные преимущества, однако может закончиться и неудачей, вследствие которой субъекту действия будет нанесен ущерб (*Либо пан, либо пропал*). Каким из двух возможных результатов завершится каждое конкретное действие, связанное с риском, нельзя определить рациональным путем; человек, действующий *на свой страх и риск*, может руководствоваться только собственным чувством самосохранения и интуицией.

Отношение рискованных действий к норме безопасности зависит от степени необходимости такого действия. Если человек вынужден рисковать ради спасения жизни (например, в ситуациях, когда *Либо смерть, либо живот; Либо петля надвое, либо шея прочь; Некуда оглядываться, когда смерть за плечами*) либо, выполняя свой долг (например, при необходимости *Постоять за своих*), его действия остаются в границах нормы безопасности и не противоречат здравому смыслу. Вместе с тем многие действия, оцениваемые как рискованные, не связаны с жизненной необходимостью, т.е.

от них можно отказаться без ущерба для себя или достигнув необходимого результата более сложным, но менее опасным путем. Такие действия осуществляются за пределами нормы безопасности и поэтому нуждаются в дополнительном обосновании или оправдании.

Выражения *оправданный* и *неоправданный риск* свидетельствуют о преимущественно негативном отношении русского социума к действиям, ассоциируемым со словом *риск* (добро не нуждается в оправдании). Особенности оценки этого явления в разных слоях русского общества отразились, в частности, в истории афоризма *Риск – благородное дело*.

В сборнике пословиц В.И. Даля выражение *Риск – благородное дело* сопровождается пометой «офицерск.». Мы полагаем, что в этом контексте слово *благородный* приобретало для представителей низших сословий значение «свойственный людям знатного происхождения и высокого общественного положения». Простой же человек *Рискнул, да и закаялся*. Одной из причин негативного восприятия слова *риск* носителями русского языка стало употребление его в контексте азартной игры, в связи с чем выражение *Риск – благородное дело* закрепилось в картежных жаргонах, откуда затем перешло в жаргоны уголовные, причем слово *благородный* в его составе приобрело значение высокой степени одобрительной оценки.

Сказанное не означает, что любое действие, связанное с риском, воспринимается русскими людьми отрицательно. Оценка такого действия зависит от разных факторов, и в том числе от степени его оправданности, т.е. от того, соответствует ли степень возможного ущерба при неудачном исходе дела тем преимуществам, которые субъект может получить в случае удачи. Необходимость такого соответствия отмечается многими русскими пословицами: *Либо чужую шкуру добыть, либо свою отдать; Либо полковник, либо покойник; Либо в стремя ногой, либо в пень головой; Либо добыть, либо домой не быть; Либо рыбку съесть, либо на мель сесть; Либо каши горшок, либо ухватом в бок; Либо полон двор, либо с корнем вон; На грушу лезть – или грушу рвать, или платье драть; Что Бог ни даст: либо выручит, либо выучит; Либо пан, либо пал* и т.п.

Способность пойти на осознанный риск требует от человека смелости и решительности, т.е. качеств, которыми обладает не каждый человек и которые заслуживают уважения. Человек *не робкого десятка* обладает несомненными преимуществами перед *несмелым*: *Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать; На тихого Бог нанесет, а прыткий (резвый) сам набезжит; Кто смел, тот и съел (и на коня сел); Отвага – половина спасенья; Без отваги нет и браги; Отвага мед пьет* (ср. совр.: *Кто не рискует, тот не пьет шампанское*).

Вместе с тем смелость как способность не поддаваться чувству страха в опасной ситуации может получать в русском социуме разные нормативные и этические оценки. Так, например, имена некомплектных объектов *бесстрашный*, *безбоязненный*, *бестрепетный* и слово *неустрашимый* обладают семантикой несоответствия норме безопасности, поскольку представляют обозначенные ими свойства как полное отсутствие у субъекта чувства самосохранения, необходимого для функционирования названной нормы. При характеристике поведения человека эти прилагательные могут выражать как положительную, так и отрицательную этическую оценку, ср.: *бесстрашный герой* и *бесстрашный авантюрист*, *бестрепетный воин* и *бестрепетный палач*. В столь же разных контекстах могут употребляться слова *храбрый* и *смелый*. Следовательно, сама по себе способность не поддаваться страху не гарантирует положительных моральных свойств ее субъекта и может быть использована им как инструмент для достижения как высоких нравственных, так и низменных целей. В последнем случае смелость граничит с дерзостью и отражает не только отсутствие страха, но и неуважение к этическим ценностям и авторитетам.

В русском коллективе отношение к способности не поддаваться чувству страха изменялось, отражая смену идеологических установок в обществе. В то время, когда основная часть населения России исповедовала православие, смелость воспринималась им преимущественно как этически нейтральное свойство, не входящее в число христианских ценностей. Об этом свидетельствует, например, употребление слов *отвага* и *храбрость* в контекстах с разной оценочной семантикой, ср.: *Бой отвагу любит* и *Вино отвагу любит*, *Отвага мед пьет* и *кандалы трет*, *воинская храбрость* и *бутылочная храбрость*. Вследствие этого слова *храбрый*, *смелый*, *отважный*, *бесстрашный* и *лихой*, *удалой* и даже *бедовый*, *рисковый* могли использоваться как синонимы. Разрушение христианских идеалов в советском обществе потребовало создания новой идеологии, в соответствии с которой актуальным стало такое качество личности, как способность поставить общественные интересы выше личных. Благодаря этому слова *отважный* и *неустрашимый* приобрели дополнительный компонент семантики

«действующий ради общественно значимых целей» и стали использоваться для выражения высокой этической оценки. В постсоветский период положительная оценка все чаще стала даваться самой способности рисковать, и это выражается, в частности, в том, что афоризм *Риск – благородное дело* вышел за пределы карточных и уголовных жаргонов и широко употребляется в современной публицистике.

Необходимо отметить, что независимо от перемен в этических оценках представления о норме безопасности в русском обществе не претерпели существенных изменений. Вследствие этого действия, связанные с риском, даже если они демонстрируют способность их субъекта не поддаваться чувству страха в опасной ситуации (смелость, храбрость, отвага), продолжают восприниматься как не соответствующие норме безопасности. Единственной формой поведения, требующей от человека этой способности и при этом не нарушающей требования названной нормы, является мужество. В современных представлениях о мужестве соединились христианские нормы терпения и стойкости с более поздними идеалами отваги и самоотверженности. В связи с этим представляются неслучайными затруднения авторов толковых словарей, определяющих значение слова *мужество* то как «присутствие духа в опасности, в беде и т.п.; храбрость, бесстрашие», то как «душевную стойкость и смелость» (МАС). Мужество предполагает «способность субъекта переносить удары судьбы и длительное воздействие неблагоприятных обстоятельств» [6, с. 395], сближаясь этим с христианским идеалом терпения и отличаясь от простой способности к риску, которая требует от человека активных, но непродолжительных действий в условиях опасности.

Однако основным отличием мужественного человека от просто смелого или даже отважного является его «стойкое поведение в любой трудной, а не только опасной ситуации. Мужественный человек никогда не сдаётся, продолжая действовать так, как считает нужным или как велит ему долг» [там же, с. 396]. Сознание необходимости или долга определяет соответствие поведения мужественного человека норме безопасности и в то же время становится условием максимально высокой моральной оценки, которую выражает слово *мужественный* в ряду своих синонимов (подробнее см. [7]).

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Шафаревич И.Р. Сочинения: В 3-х тт. Т. 2. М., 1994.
2. Вежицкая А. Язык, культура, познание. М., 1996.
3. Сукаленко Н.И. Соккрытие смыслов культурных таксонов // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

5. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
7. Ефанова Л.Г. Идеал мужества в структуре нормы безопасности // Актуальные проблемы современного словообразования. Тр. Междунар. конф. (Кемерово, 2005). Томск, 2006.

УДК 801.56

О.В. Соколова

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА

Алтайский государственный университет

В настоящее время особый интерес в области фразеологии приобретает использование категории фрейма при анализе фразеологизмов, так как фрейм как один из элементов метаязыка позволяет в новом ракурсе взглянуть на традиционные проблемы фразеологизмов и изучить еще не изученные области. В нашей работе предпринята попытка выявить и описать фреймовую структуру фразеологизмов в обыденном сознании современного носителя языка.

В современной фразеологии можно отметить ряд работ, посвященных анализу семантики фразеологизмов по показаниям языкового сознания [1] и выявлению степени фразеологической агностики для «среднего» носителя языка [2]. Однако рассмотрение данного вопроса в рамках фреймового подхода, насколько нам известно, не предпринималось. На наш взгляд, использование категории фрейма по отношению к анализу фразеологизмов на уровне их восприятия носителями языка является достаточно перспективным, так как позволяет более подробно описать значение фразеологизма, отраженное в обыденном сознании носителя языка, выявить когнитивные признаки, актуальные для информантов при восприятии того или иного фразеологизма, а также обнаружить намечающиеся изменения в значении фразеологической единицы на основе анализа количественных и качественных сдвигов когнитивных признаков в рамках фреймовой структуры фразеологизма. Сведения о фреймовой структуре фразеологизмов в свою очередь могут быть использованы при составлении новых фразеологических словарей.

Для исследования фреймовой структуры фразеологизмов с семантикой количества мы используем методику, разработанную Е.В. Лукашевич, суть которой – в поэтапном моделировании семантической и когнитивной структур слова и установлении корреляции между ними для выявления нестабильных признаков в структуре значения слова [3, с. 6]. Так как мы рассматриваем фрейм как видовой элемент когнитивной структуры и придерживаемся

концепции, согласно которой фразеологизм имеет типологически однородную со словом семантическую структуру, то, на наш взгляд, возможно применение данной методики исследования к описанию фреймовой структуры фразеологизма.

Исследование проводилось на материале русских фразеологизмов с количественной семантикой. Нами был проведен эксперимент, цель которого – выявить когнитивные признаки и фреймовую структуру фразеологических единиц по показаниям языкового сознания и, сопоставив ее с семантической структурой этих единиц, выявить динамику развития фразеологизмов. Информантами стали 427 студентов 1–4 курсов Алтайского государственного университета и Барнаульского юридического института.

Интересным примером в плане анализа является фразеологизм <все> *шишки валятся на голову*. Во фразеологическом словаре русского литературного языка дано следующее толкование этого фразеологизма: «Разг. Ирон. О множестве неприятностей, бедствий, обрушившихся на кого-либо» [4, с. 384]. Большая часть сем, составляющих дефиницию данного фразеологического оборота, имеет негативную коннотацию: ср. неприятность – «2. *Неприятное событие*» – «2. *Вызывающий неудовольствие, волнение, нарушающий чье-либо спокойствие*» [5, с. 411]; бедствие – «*Большое несчастье*» [5, с. 39]; обрушиться – «3. *Появиться, начаться с силой и неожиданно*» [5, с. 437]. Компоненты «большое» и «с силой» в составе данных сем отражают высокую степень интенсивности действия. Негативность усиливается за счет семы «множество», непосредственно указывающей на количественные характеристики воздействия (на наш взгляд, наряду с функцией обозначения большого количества, компонент «множество» выполняет также и функцию усилителя негативного начала), и пометы «ирон.», выражающей эмоциональное отношение к описываемой ситуации. Сема, актуализированная компонентом «обрушившихся», акцентирует внимание на внезапности происходящего, включая в свой состав временную характеристику.